

Грибоѣдовъ и Чацкій.

(Къ 75-лѣтію смерти А. С. Грибоѣдова.)

I.

30 января текущаго года исполняется 75 лѣтъ со дня трагической кончины Грибоѣдова, а и до сихъ поръ для насъ, отдаленныхъ потомковъ, онъ является такою же сумрачною загадкою, какъ и для современниковъ. Въ 1826 году его портретъ напомнилъ Баратынскому водопадъ, внезапно замершій:

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ бывшихъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

По дорогѣ изъ Тифлиса Пушкинъ встрѣтилъ въ 1829 году арбу съ тѣломъ Грибоѣдова. Въ его головѣ зашевелились воспоминанія, грустныя и тяжелыя думы.

«Я познакомился съ Грибоѣдовымъ,—писалъ позднѣе великій поэтъ въ своемъ «Арзрумѣ»,—въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, что озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжныя спутники человѣчества—все въ немъ было необыкновенно примекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою

ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ *Московскомъ Телеграфѣ*... Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ... Бав жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его биографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнны и нелюбопытны»...

«Затемнявшія жизнь Грибоѣдова облака», на которыя онъ самъ намекаетъ въ письмахъ къ Бѣгичеву, оттолкнули отъ него Якубовича, въ слѣдствіи декабриста, тревожившаго своею молодецкою удалюю романтическое воображеніе Пушкина *) — и Дениса Давыдова, который въ своихъ «Запискахъ» оставилъ о немъ болѣе чѣмъ неблагопріятный отзывъ. Не доброжелательство многихъ и большая разница между художественными достоинствами «Горя отъ ума» и остальныхъ произведеній Грибоѣдова привели къ возникновенію крайне недѣльной, но упорной легенды о присвоеніи А. С. рукописи рано умершаго неизвѣстнаго, но очень талантливаго драматурга. Онъ друженъ съ Булгаринымъ, которому передъ смертію «поручаетъ свое *Горе*», — и кристально чистымъ кн. А. И. Одоевскимъ, въ слѣдствіи декабристомъ, на смерть котораго вылились изъ глубины душъ Лермонтова всѣмъ, конечно, памятные чудные стихи:

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзія и счастья... Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной,
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ,
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную...

Въ Грибоѣдовѣ вообще была велика сила притяженія и отталкиванія и только тѣ немногіе, кто имѣлъ возможность заглянуть въ тайники это гордой, замкнутой, необыкновенно сложной души, добивались до ея глубокаго синтеза, въ которомъ разрѣшались всѣ противорѣчія...

Умный, тонкій, впечатлительный, съ широкими запросами ума и сердца онъ былъ заброшенъ судьбою въ пошлую обстановку «дворянскаго оскудѣнія». Мать дастъ Грибоѣдову блестящее для того времени образованіе — имѣя въ виду прежде всего и больше всего карьеру. Для этого она остановится ни передъ чѣмъ: у Иверской, на колѣняхъ, она способна врываться у сына роковое обѣщаніе измѣнить Ермолову и перейти на службу къ Паскевичу...

*) 30 ноября 1825 года онъ писалъ Бестужеву-Марлинскому: «Кто писалъ горцахъ въ *Сѣверной Пчелѣ*? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ въ Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева etc.»

литературнымъ занятіямъ сына она относится пренебрежительно: «они—только «глупости Александра», конечно, унижительныя для аристократической семьи. Она можетъ даже заподозрить сына—и къ сценическимъ успѣхамъ Кокошвина...

«Мать» семьи—дядя, по устойчивому преданію—прототипъ Фамушбоѣдовъ далъ очень сжатый, но знаменательный очеркъ его ха-
Онъ принадлежалъ къ поколѣнію, въ которомъ «развита была
какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ
а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства». «У всякаго была
безчестность и лживость на языкѣ». Дядя А. С., «какъ левъ
въ туркахъ при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ
людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Обра-
воуученій: я, братъ!»

поддержаніе «приличій» и свѣтскихъ связей уходитъ слишкомъ
энергіи и силъ; вся семейная обстановка насквозь проѣдена ложью,
въ которой рвется и мучится молодое, благородное сердце. Отъ
жизни онъ поздне въ глушь Литвы, въ поляхъ, гдѣ будетъ искать
и въ гусарскихъ «шуточкахъ», жгучее воспоминаніе о которыхъ
мучить его до конца дней...

Она оттородилась китайскою стѣною отъ всего живого и свѣжаго въ
Плѣсень и гниль окружающей жизни заставляють Грибовдова за-
се въ себѣ, чувствовать себя мучительно одинокимъ—при значи-
и общительности характера, глубоко сознавать всю несогласимость
стремленій съ мировоззрѣніемъ того круга, съ которымъ его свя-
происхожденіе и привычка. Онъ ищетъ забвенія пока—въ чтеніи
книгъ.

Подобныя отношенія къ Москвѣ онъ поставитъ поздне своего
дѣла.

Въ 1818 г. онъ пишетъ своему душевному другу Бѣгичеву, сы-
ему большую роль въ дѣлѣ его нравственного обновленія: «въ Мо-
ске не по мнѣ,—праздность, роскошь, несопряженные ни съ ма-
и чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили му-
шкетера и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-
изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ оте-
чествѣ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и
жизнь въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милого ребен-
ка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ, становится
человекомъ, определенъ въ миссію (въ Персію), и можетъ со вре-
менемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть
не можетъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ
людей, которые, настолько ли меня цѣнятъ, сколько, я думаю, что стою;
въ крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ
которой я хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: од-
нажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихо-

творныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокоскинымъ и ему подобными». Онъ «сердечно радуется» занятіямъ Бѣгичева: «Они всякой жизни придаютъ высокое значеніе, и даже въ Москвѣ—откуда вынеси тебя Богъ поскорѣ».

Петербургское общество могло только временно удовлетворить слишкомъ требовательнаго, строгаго къ себѣ и другимъ, болѣзненно-чуткаго, съ большимъ запасомъ анализа и рефлексіи «пасынка здраваго разсудка», по собственному опредѣленію.

Катенину онъ пишетъ: «Мелочи, главныя черты Петербурга и его глупцовъ тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны. Я, по крайней мѣрѣ, все нашелъ по старому; у Шаховскаго прежнія погрешки, только имя новое: онъ вообразилъ себѣ, что перешелъ въ романтики, и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ, все перекраиваетъ... Надняхъ, кажется, соорудилъ трилогію изъ «Медвѣдя и пустынника» Брылова. Я у него бываю, оттого, что всѣ другіе его ругаютъ: это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство». Немного позднѣе, въ письмѣ къ Бѣгичеву, онъ говоритъ: «вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и оиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачества, ихъ сплетенъ, ихъ литературныхъ талантовъ, и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясиномъ государствѣ»...

Съ однимъ изъ представителей этой «сволочи» случился очень характерный для него и для Грибоѣдова эпизодъ. Когда Булгаринъ вывелъ его въ своихъ «Литературныхъ Листкахъ» подъ прозрачнымъ прозвищемъ «Талантина», Грибоѣдовъ послалъ ему чрезвычайно характерное, мотивированное приглашеніе прекратить знакомство: «Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ именемъ Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила,—правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-взящнаго. Не думайте, чтобы какая-нибудь виѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. *Я просто въ несогласіи самъ съ собою*: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладона!!»

Если колѣнопреклоненія и оиміамъ такъ «досаждали» болѣзненно-чуткому писателю, еще болѣе должны были его мучить «дурачество», «сплетни», «мелкія душишки».

— «вмѣстѣ тошно, врозь скучно». Стоитъ уѣхать, чтобы сказать подобно Чацкому:

Жить съ ними надоѣсть, и въ комъ не сыщешь пятень?

Когда-жъ постранствуешь, воротисься домой,

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятень!

Дело какъ-то забывается, что этотъ «дымъ отечества» еще такъ не- и такъ больно ѣль глаза, и въ душу закрадывается неясное чув- примиренія...

Въ 1818 г. Грибоѣдовъ пишетъ тому же Бѣгичеву:

«Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда и счастливъ; теперь, какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все было, всего жаль. Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слез- ничто веселое и въ умъ не входитъ, похоже ли это на меня?»

Какъ это ни странно съ перваго взгляда, все это слишкомъ было «по» на Грибоѣдова. Авторъ комедіи, «родника смѣха», дипломатъ, сдѣ- ній съ необыкновенною быстротою блестящую служебную карьеру, — шой меланхоликъ въ душѣ, и въ его письмахъ все чаще и чаще слы- ся мрачныя, безотрадныя нотки. Суровая русская дѣйствительность все въ эту слишкомъ отзывчивую, мнительную, сосредоточенно-вдумчи- душу вѣчный «милліонъ терзаній», «неотразимыя обиды».

«Трезвые умы» обвиняютъ его въ «малодушіи», какъ будто онъ «самъ въ землю лечь, другихъ жаль сторицею пуще себя!» Изъ глубины у него вырывается крикъ: «ахъ, эти избалованныя дѣти тучности ищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ, ес. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ни нтъ чужого, страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о нѣ-нибудь бѣдствіи; чтобы разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ собственныхъ золъ!»

Рассказывая Бѣгичеву о своемъ увлеченіи успѣхомъ «Горя отъ ума», прибавляетъ: «ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелоч- задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной стью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошевыя ихъ одо- нія, ничтожная слависка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ, значна ли спесь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій!»

Бѣгичевъ жаловался на «домашнихъ своихъ казарменныхъ готтентотовъ».

По мнѣнію Грибоѣдова, «это—участь умныхъ людей... большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ!»

Да, «Горе уму»—такъ первоначально называлось «Горе отъ ума!»

Въ деревнѣ онъ собирается «искать прибѣжища, не отъ бурей, не отъ

угрызавших скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Бѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!»

Ему приходится ждать, правда, безъ особой надежды, «авось придуть въ равновѣсіе его замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности». «Чудесно всю жизнь свою прокатиться на четырехъ колесахъ; кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенныя предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображеніе свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ».

Въ «обыкновенныхъ предѣлахъ пошлыхъ опытовъ» «такъ скучно, такъ грустно».

Онъ проситъ Бѣгичева «сказать что-нибудь въ отраду» и продолжаетъ: «я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная, воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружаться терпѣніемъ, пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота... Со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой увеличенной степени, какъ еще никогда не бывало... Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди». «Люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разумокъ затмевается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другого поприща». Онъ «пытаетъ отвращеніе къ чинамъ и званіямъ».

Слѣдуя совѣту Бѣгичева, онъ собирается не «умничать»: «со всѣми выдаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку тифлисскаго или петербургскаго».

Онъ отговариваетъ кн. В. Ө. Одоевскаго отъ «полемиическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ». «Виновать, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отвѣчать бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!»

Его тяготитъ служба, зависимость отъ всѣхъ и отъ всего. «Врагъ исканій», онъ хотѣлъ бы «въ науки вперить умъ, алчущій познаній»;

... въ душѣ его самъ Богъ возбуждалъ жаръ

Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ...

И ему остается мечтать о нихъ—когда цѣпкая машина тогдашней бюрократіи захватывала его все больше и больше, пока не раздавила...

«Буду ли когда-нибудь независимымъ отъ людей?—тоскливо спрашиваетъ онъ себя:—зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ статься, наперекоръ

судьбы Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И, наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина,

Лишь яркая залата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Бто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, къ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпкихъ рабовъ? Все таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира... *Мучитъ быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холоды въ костяхъ проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ, но вслѣдъ равнодушіемъ наши сардары: я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ. *Usons ce qui en sera.**

Обостренное недовольство настоящимъ приводитъ къ идеализаціи прошлого: «ты удивился, когда узнаешь, какъ мелки люди... Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся». Въ Кіевѣ онъ «пожилъ съ умершими: Владиміры и Кияславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь заглянулъ я настоящее поколѣніе».

Идеалы такихъ людей, какъ Грибоѣдовъ, не находились въ органической связи съ окружающею жизнью. Они усваивались съ Запада, изъ книгъ и постоянно сталкивались съ окружающею дѣйствительностью, устойчивыми жизненными традиціями, слѣдами вѣковой наслѣдственности у самихъ «пламенныхъ мечтателей въ краю вѣчныхъ снѣговъ». Въ этомъ и заключается основной трагизмъ ихъ положенія. Чуждые такъ называемому «образованному обществу», они начинаютъ понимать—и весь ужасъ отрозненности отъ народа, культурнаго одиночества, привычки и ненависти къ воспитавшей ихъ средѣ. Разладъ внѣшній идетъ объ руку съ разладомъ внутреннимъ: «умъ съ сердцемъ не въ ладу».

Слушая со знакомыми народныя пѣсни, Грибоѣдовъ невольно «съ голостныхъ пѣвцовъ сводитъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ извращенный классъ полу-европейцевъ», къ которому и самъ принадлежитъ. «Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ ни звуки невняты, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ шашебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгусы скорѣе прислужаются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и извѣки. Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ, конечно бы, заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ Господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще пережѣщаться обычаями и нравами».

Отдѣльные атомы западныхъ и славянофильскихъ идей вращаются въ воздухѣ, не успѣвъ еще кристаллизироваться подъ напоромъ нѣмецкихъ идеалистическихъ вѣяній. Не объединяются они въ цѣльное мировоззрѣніе

и у автора «Горе от ума». Грибоѣдовъ, подобно своему Чацкому, тоже хотѣлъ «искать ума» за границей. Онъ несомнѣнно симпатизируетъ лучшимъ сторонамъ европейскаго просвѣщенія, но ему глубоко противны наша «жалкая тошнота по сторонѣ чужой», отсутствіе чувства элементарнаго народнаго достоинства, пошлое заискиваніе передъ иностранцами. Онъ идетъ въ данномъ случаѣ по стопамъ Новикова, Фонвизина, Крылова, съ большою опредѣленностью формулируя ихъ идеи.

Начало раскола съ народомъ и пошлой переимчивости онъ приурочиваетъ къ Петровской эпохѣ. Онъ выбираетъ всѣ факты, рисующіе дѣятельность Петра отрицательно. Онъ «зѣло на него и на его колбасниковъ сердится». Полушутя, полусерьезно онъ убѣждаетъ Амбургера, что «быть нѣмцемъ очень глупая роль на семь свѣтѣ».

Какъ и Лермонтова, «слава, купленная кровью», не шевелитъ въ немъ «отраднато мечтанья».

Гдѣ являемся мы, «всеобщіе наслѣдники», тамъ вездѣ «духъ разрушенія». Не безъ горечи упоминаетъ онъ о томъ, что «кабарду Вельяминовъ усмирилъ, однимъ ударомъ свалилъ двухъ столповъ вольнаго, благороднаго народа»; его занимаетъ «борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ, дѣйствіе конгрессовъ»: «будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на исторію». «Но дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей».

Замѣчается у Грибоѣдова и нѣкоторая неустойчивость и въ области политическихъ идей. Онъ, несомнѣнно, былъ очень близокъ съ декабристами. Ему нужно было передъ арестомъ сжечь много компрометирующихъ бумагъ. Бестужева-Марлинскаго онъ проситъ обнять Рылѣева «искренне, по-республикански».

Но онъ по натурѣ своей не можетъ быть человѣкомъ партіи и всегда остается самостоятельнымъ, нравственно свободнымъ. Онъ симпатизируетъ идеаламъ декабристовъ—и сознаетъ ихъ преждевременность, несбыточность: «сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи». Въ хвостѣ движенія онъ разглядѣлъ и изобразилъ—Репетиловыхъ. Уже наказанному другу-декабристу, кн. А. И. Одоевскому, онъ пишетъ: «кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты позаимствовать!»

За всѣмъ этимъ чувствуется интенсивная, даже болѣзненно-напряженная работа ума и сердца, которая то привлекала, то отталкивала самою своею сложностью, бросавшимися въ глаза противорѣчіями, за которыми не всѣ умѣли разглядѣть чуткую, любящую, глубоко изстрадавшуюся душу, все время порывавшуюся изъ омота безвременья и служебныхъ тисковъ къ «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ», in das Ideale Reich..

Вл. Калашъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).